

Режиссер Валерий Фокин – в интервью «Газете»

«Императорскую ложу театра превратили в радиорубку»

Александринский театр отмечает свое 250-летие. Пока в Александринке шел ремонт, режиссер Валерий Фокин, возглавляющий этот театр и одновременно московский Центр имени Вс. Мейерхольда, репетировал спектакль «Живой труп». Ненадолго приехав в Москву, он встретился с корреспондентом «Газеты» Ольгой Романовой.

Валерий Владимирович, правда ли, что во время ремонта Александринки обнаружили старинную вентиляционную систему, забытую во время блокады?

Да. Строители нашли воздухопровод, придуманный Карлом Росси. Он рассчитан на постоянную циркуляцию воздуха. Сначала мы хотели сделать в театре кондиционирование, но когда прочистили воздухопровод, в здании появилась естественная вентиляция. Знаете, раньше в определенные точки воздухопровода под партером закладывали парфюм, и аромат разносился по всему зрительному залу.

Когда чистили воздухопровод, нашли почти десять мешков разных предметов, которые случайно туда попали: фантики от конфет, кредитные билеты, входные билеты, огромное количество разных пуговиц, векселей. Мы даже отобрали часть того, что лучше сохранилось, и передали в театральный музей. Расчищая штукатурку, строители обнаружили в нескольких ложах (среди них директорская и царская) подлинные старинные росписи – золотые звезды на голубом фоне. Они были заштукатурены и замазаны.

Кому они мешали?

Последним ремонтом, который проводили в 1934 году, лично руководил Сергей Миронович Киров. Тогда в убранстве зала были сделаны радикальные изменения в сторону советской эстетики. Вместо двуглавого орла повесили ленту. Стены перекрасили из голу-

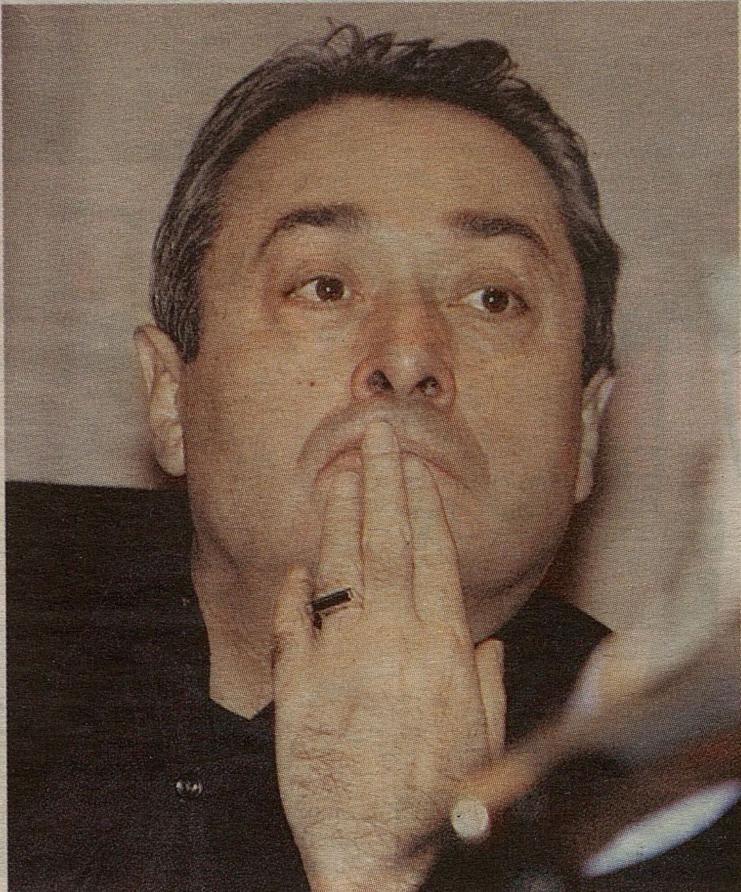

Фото: Роман Мухаметжанов / Газета

бого в красный цвет. Театр хотели сделать правительственным, всеодержавным в советском смысле этого слова. Хотя не все были с этим согласны. Меня поразил один факт: когда стали вскрывать обшивку радиорубки, нашли спрятанные под ней куски старинных перил.

Раньше это была императорская ложа, приближенная к сцене, из нее император мог быстро выйти к женским гримуборным, чтобы увидеться с одной из пасий. В 50-е годы в этой ложе сделали радиорубку и обшили стены. Она производила очень странное впечатление, ее невозможно было использовать, потому что там стояли допотопные радиоаппараты. Так вот, вскрыв обшивку стен, обнаружили куски ограждения ложи эпохи Росси. Они были аккуратно запакованы

в газету и спрятаны. Это меня поразило. Видимо, рабочие, понимая, что нельзя просто так выбросить эти перила, потому что здравый смысл когда-нибудь все-таки восторжествует, запаковали их и спрятали, хотя это было очень опасно. Человеческий и одновременно героический жест. Главная цель ремонта в том, чтобы вернуть все помещения Александринки на свои географические места. Буфеты теперь находятся там, где они были изначально, при Росси. Благодаря городу нам удалось построить рядом с театром офис, и мы перевели туда все административные службы, освободив помещение под театральный музей. Сейчас к нему подводится отдельный лифт. В течение дня туда будут подниматься экскурсии, не мешая репетициям.

Что будет происходить на Новой сцене, которая строится рядом с Александринкой?

На Новой сцене должны идти современные пьесы в постановке молодых режиссеров. Я хочу, чтобы ее взял под свое руководство режиссер Андрей Могучий. Это суперсовременное сценическое пространство на 300 мест рассчитано на эксперименты молодых режиссеров. Но я хочу, чтобы эти режиссеры работали с актерами Александринки. Пусть труппа играет классику и самые современные пьесы. Эти два направления должны друг друга питать, провоцировать и даже конфликтовать, тогда в этом есть жизнь. Нельзя замыкаться в потрясающей красоте. Если бы удалось соединить Центр Мейерхольда одним переходом с Александринкой, получилась бы правильная модель театра.

Собираетесь ли вы что-нибудь ставить в Центре имени Мейерхольда?

Пока не могу сказать, у меня сейчас более важные приоритеты в Питере. Торжества, посвященные образованию русского репертуарного театра. Потом нужно выпустить в Александринке спектакль «Живой труп». А дальше буду думать. Наверное, сделаю в Москве работу со студентами Щукинского училища, я только что говорил вам о них.

Когда я узнала, что вы будете репетировать в Александринке «Живой труп», подумала: неужели в спектакле Фокина будут петь цыгане?

В «Живом трупе» меня всегда интересовала внутренняя трагедия главного героя, его желание выйти из привычного жизненного круга. Протасова, как Ивана Карагузова у Достоевского, мучают вопросы: зачем он рожден? Что такое смерть? Для чего это все? Он ищет выход из ситуации и не может его найти. Тогда масштаб его трагедии становится другим. Дело ведь совсем не в том, что

Протасов обожает цыганский хор, ловит драйв, выпивая с ними, и руководит цыганской самодеятельностью. Никаких цыган у нас не будет. Мне кажется, что в этой пьесе самой актуальной стала тема исхода. Тем более что Толстой в «Живом трупе» фактически описывал свой собственный уход. Огромное количество людей, мучаюсь теми же самыми вопросами, выпадает из жизни. Некоторые спились и стали бомжами, верующие люди уходят в монастырь. У них есть альтернатива – вера в Бога. Неверующие выбирают уход.

Что выбираете вы?

Для меня выход только в работе. Если бы не было театра, не просто работы, а возможности скрыться, убежать в сочиненный мной мир, моя жизнь была бы наполнена большими сомнениями: зачем? для чего все это? что делать в этой жизни? С возрастом эти вопросы только усиливаются, но из-за моей профессии они как бы отодвигаются на второй план.

Существует ли заветное слово, которое вы говорите актерам перед началом спектакля?

Никакого заветного слова нет. Нельзя всем актерам говорить одно и то же, это неправильно. К каждому ищешь особый подход, как к ребенку или к любимому человеку. Некоторым артистам лучше сказать, что я вообще не смогу посмотреть спектакль, потому что у меня дела, или приеду попозже, ко второму акту. Артист говорит: «Тебя не будет? Как же так?», а я чувствую, что он этому рад и лучше играет. А кто-то, наоборот, хочет, чтобы я был на спектакле. Когда настраиваешь людей на выход, большую роль играет психологическая составляющая. Кому-то нужны жесткие, очень резкие слова, иногда надо, наоборот, успокоить артиста, подбодрить. Иногда слова не нужны, достаточно какого-то жеста, импульса.